

А. И. Левитов

Накануне Христова дня

Повесть

Русские повести XIX века 60-х годов. Том первый

М., ГИХЛ, 1956

[OCR Бычков М. Н.](#)

На дворе стояло то доброе время, которое зовут весною. Давно уж Алексей божий человек всю воду с пригорков в долины согнал, и разлилась она быстрыми ручьями по чернозему необъятных полей, канавы придорожных насыпей вплоть до краев собою наполнила и даже большую дорогу, так и ту всю собой залила. На сельские улицы, без понукальщицы-нужды, выйти было нельзя, потому что, в полном смысле, реки стояли на них, и если к соседу за солью нужно было сходить, так лодка надобилась. Мальчишкам мужицким это и на руку: в чаны да в лотки мукосейные гурьбами насажались, да и показывают, как в старину атаманище страшный -- Стенька Разин -- город Астрахань брал. Известное дело: многим из них очень явственно приходилось узнавать, как этот злодей-атаманище народ православный в реке Волге топил, потому что флотилия Стеньки была, я думаю, несколько понадежнее корабликов их. Того буря да пушки потопить могли (да лих-беда не топили!), а лоток, чуть лишь с чаном столкнется, ну и ко дну пошел вместе с разбойниками этими, бесшабашными удалцами восьмилетними! Как хотите, а уж тут рубашонку нужно бы переменить, да на теплой печке погреться бы следовало; ан нет -- не туда глядишь! Поди-ка ты к матке чучелой таким, с маковки до пят грязью да навозом облепленным, так она небось не пожалеет белые руки свои драньем мокрых вихров натрудить. Так где уж тут к матке на беду свою великую жаловаться да скорбеть идти? В пору б только до гумна успеть добежать, чтоб она не видала. Самому там можно в старую солому зарыться, а рубашонку на яблонь повыше повесил, так она, стриженная девка косы еще не успеет заплесть, уж и высохла.

Так вот видите, как солнце-то припекало: снега, надо быть, поскорей с земли хотело согнать, потому что бог пору такую послал, когда он травке всякой на свет его господний показываться велит.

А назади дворов, где раскинуты были огороды, видно было, как пары густые такие да столбами такими высокими в небушко поднимались, -- ровно тысяча изб в одно время топились (так они чистое небо весеннее затуманивали!); а солнце все-таки лучом своим насквозь их прохватывало, и временем можно было подумать, что столбы те огненные, что не свет солнечный в тумане этом блесит, а что это дым и пламя несутся в небо от жертвы, которую богу земля сожигала за то, что он послал ей весну благодатную, цепи с нее зимние снявшую...

Ну и воробьи опять стадами эдакими, штук ста в два и побольше, на избы, на деревья, на риги расселись и чирикают! Рады беззаботные божии птицы, потому первое дело: тепло, -- ветер морозный жидких перьев не дергает, а второе: всякое зернышко на земле издали видно, слети, да и клюй, -- не то что зимой, ищи его там по сугробам великим, зноби ножки тоненькие, да, пожалуй, ничего не нашедши, и до гнезда-то своего голодный долететь не успеешь, -- сразу вверх ногами мороз перекувыркнет.

И все это на селе чего-то ждало словно, потому страстная суббота была -- день печали великой и пощения святого. Седые головы старых большаков и большачих частенько-таки окошечками выдвижными постукивали, на солнышко всё на ясное посматривали: когда-то ты, мол, солнышко, закатаешься? Потому, от самой *страшной* середи до заката солнца субботнего всякий честной христианин, а паче блюститель и глава семейства, кроме пятаковой просфоры, есть ничего не могли. Ну оно и того!.. Хоть и теплом пригревает, и лучом солнечным землю подсушивает, а все как-то нет-нет да на небушко и взглянешь, да грешным делом и слабость тебе тут на ум взбредет: хоть бы, мол, сумерки поскорей наступали, звездочки поживей бы показывались, по крайности тогда речечки с кваском хоть бы маленечко похлебал...

На три добрых версты растянулось село, о котором говорю я. И как чудно растянулось -- сказать невозможно. Истинно, что ни складу, ни ладу. Говорили про него соседи-мужики шутики ради, что *дед* его будто из лукошка горстями посеял. Только на самом плане один кабак и стоял; с какого конца в село ни въезжай, отовсюду елка виднелась -- и уж ты эту самую елку ни на каком кривом коне, все равно как суженого, ни за что не объедешь. А про избы мужицкие уж и говорить нечего, потому одна из них на самую дорогу, почитай, выпятилась, -- всякому проезжему сказать ровно хочет: вишь, хозяин-то мой прошлым годом меня новой соломкой прикрыл да крепкими плахами заново разваленный угол подпер; а другая-то с красной улицы, от стыда, надо думать, на огород убежала, потому развалилась совсем, -- одни